

Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли

Е.И. Захарова*

ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
E-I-Z@yandex.ru

В данной статье автор обращается к анализу отношения к материнству современных женщин репродуктивного возраста. В фокусе рассмотрения оказываются феномены, свидетельствующие о неблагоприятных социальных тенденциях частичного или полного устранения женщин от реализации материнской роли. Обследование группы 40 матерей младенцев позволяет автору зафиксировать существенные различия в характере осуществления материнства. Выявлена группа женщин, максимально устранившихся от самостоятельного ухода за ребенком. Анализ причин, лежащих в основе этого стремления, позволяет говорить о том, что эти причины — не столько в сфере социальных условий жизни женщин, сколько в личностной сфере. Продолжая общую логику исследования, автор обращается к группе женщин, осознанно отказывающихся от материнства (childfree). В исследовании приняли участие 43 женщины репродуктивного возраста. И в данном случае результаты исследования причин этого отказа свидетельствуют об особой ценностной направленности личности респонденток. Обобщая результаты исследований, автор высказывает суждение о том, что формирование особенностей личности, приводящих к негативному отношению к материнству, может быть обусловлено целым рядом специфических характеристик современного социокультурного пространства.

Ключевые слова: материнство, отношение к материнской роли, мотивационно-потребностная сфера, ценностная направленность.

Обращение к данной теме продиктовано некоторыми актуальными неблагоприятными явлениями. В последнее время все более распространенным становится полный или частичный отказ женщин репродуктивного возраста от реализации материнской роли. Явно прослеживается тенденция сдвига сроков рождения первого ребенка к более зрелому возрасту, родительство все чаще становится «поздним» в связи с признанием приоритетов карьерного развития или устойчивой гедонистической направленностью личности (надо успеть получить удовольствие от жизни, прежде чем начать заниматься воспитанием ребенка). Рождение первого ребенка после 35 лет стало достаточно распространенным явлением в нашей жизни. Статистические данные о рождаемости в России свидетельствуют о появлении в конце 1990-х гг. подобной тенденции и в нашей стране (С.В. Захаров, 2005). В 1990 г. коэффициент рождаемости для женщин 30–34-летнего

возраста составлял 48,2, а для женщин 35–39 лет — 19,4. В 2009 г. он поднимается до значений 63,3; 23,8 — соответственно (Российский статистический ежегодник, 2010, с. 109). Кроме того, обращает на себя внимание и то, что все чаще состоявшиеся родители стремятся как можно скорее дистанцироваться от ребенка, передают свои функции в руки помощников, возрождается, уже забытая было традиция приглашения няни для ребенка.

С целью поиска ответа на вопрос о причинах такого отношения мы обратились к анализу особенностей осуществления ухода за младенцем и особенностей ценностной направленности молодых матерей. В исследовании приняли участие 40 матерей младенцев (возраст детей участниц исследования варьировал от 6 до 27 месяцев).

Средством анализа особенностей осуществления материнской роли стала анкета, содержащая вопросы относительно того:

Для цитаты:

Захарова Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 44–49.

* Захарова Елена Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра возрастной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-I-Z@yandex.ru

- какую долю заботы о ребенке женщина выполняет самостоятельно, а какую перепоручает помощникам;
- какие функции стремится выполнять самостоятельно;
- на что она тратит выделенное с помощью помощников время;
- какие трудности испытывает в ходе реализации своего материнства.

Заполнение анкеты поддерживалось беседой, с помощью которой психолог мог оценить эмоциональное отношение женщин к своей материнской роли, выявить возможные его причины.

Результаты опроса показали, что степень включенности в уход за ребенком варьирует в диапазоне от 15 до 90%. При минимальной включенности (15%) женщина практически полностью делегирует материнские обязанности своим близким или няне. Другие женщины практически полностью реализуют их самостоятельно. Определив область средних значений степени включенности матери, мы разделили женщин на три группы. Распределение получилось близким к нормальному. Группа женщин, «избегающих» материнских обязанностей составила 22,5% выборки, женщины со средней степенью включенности встречаются в 55% случаев. Лишь 22,5% участниц исследования продемонстрировали стремление самостоятельно осуществлять весь объем материнских функций, не испытывая негативных переживаний в связи с фрустрацией остальных своих потребностей. Материнство доставляло женщинам удовольствие, а указанные ими трудности касались недостатка времени на бытовые, хозяйственные дела. Яркой их противоположностью стала группа женщин, которые в лучшем случае лишь треть материнских обязанностей реализуют самостоятельно. Существенная доля обязанностей делегирована ими другим людям. Причем причина такого распределения кроется не в объективной необходимости (женщины состоят в браке, располагают достаточным временем), а во внутренней предрасположенности. Женщин тяготит эмоциональная вовлеченность в жизнь ребенка, зависимость от его интересов и потребностей. Ребенок отвлекает их от собственных интересов, занятия с ним являются утомительными. Желание отдохнуть, заняться собой обуславливает необходимость привлечения помощника, а то небольшое время, которое они проводят с ребенком, они считают необходимым тратить на его познавательное развитие. Таким образом, в исследовании был зафиксирован феномен избегания женщинами своих материнских обязанностей, что позволило выделить две группы матерей – в соответствии с их стремлением самостоятельно осуществлять материнские функции или максимально уклониться от личного в них участия, выбрав путь опосредованного участия в жизни ребенка.

В поиске причин сложившейся ситуации мы обратились к исследованию отношения женщин к родительским функциям. Характер отношения мате-

рей к отдельным составляющим родительской позиции определялся с помощью опросника «Степень принятия родительской позиции» [3]. Женщины, избегающие самостоятельной реализации материнских обязанностей, продемонстрировали значительно более низкий уровень принятия родительской позиции (степень выраженности позитивного отношения к ее элементам) (рис. 1).

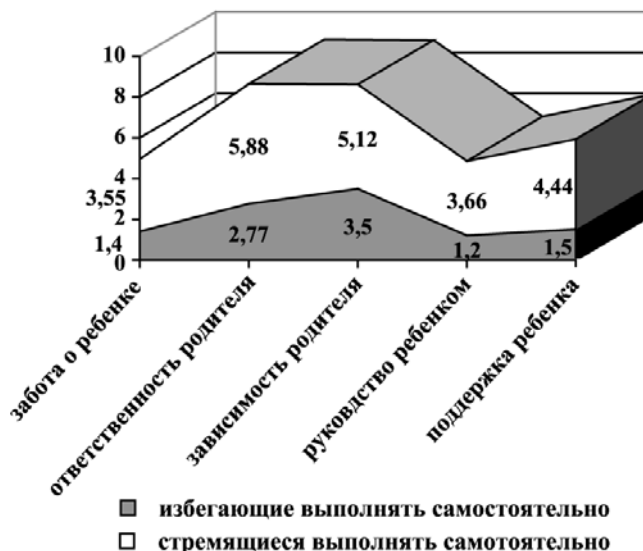

Рис. 1. Степень выраженности позитивного отношения матерей младенцев к составляющим родительской позиции

Зафиксировав сниженный фон позитивного отношения к элементам родительской позиции, мы сделали *предположение* о том, что указанные различия обусловлены особенностями мотивационно-потребностной сферы женщин. Понимая родительство как специфическую деятельность, побуждаемую целым рядом мотивов, которые существуют не изолированно, а встроены в иерархическую структуру мотивационной сферы, мы полагаем, что отношение к материнской роли, как и характер ее реализации зависит от того, насколько приоритетную позицию занимают мотивы, связанные с заботой о ребенке.

Для проверки гипотезы было необходимо проанализировать мотивационные предпочтения матерей. Им было предложено ступенчатое ранжирование 18 суждений, составленных в форме «Я хочу...», «Я стремлюсь», включающие стремления в различных сферах жизни. Среди предложенных мотивов, кроме собственно материнских, были названы мотивы «супружеского счастья», «дружеского общения», «отношения с близкими», «удовлетворения профессиональных интересов» и т.д. Были зафиксированы существенные различия в значимости для женщин таких мотивов, как стремление к близости с ребенком, супружеское счастье, самореализация в деятельности, достижение поставленной цели. Женщины, избегающие самостоятельного осуществления материнских функций, желая счастья своему ребенку, гораздо меньше стремятся к близости с ним (мотив достижения близости в отношениях с ребенком

лидирует в 22% случаев против 44% в группе женщин стремящихся к самостоятельной реализации материнства). Мотив супружеского счастья также реже, чем во второй группе занимает высокие позиции в иерархии мотивов (77,8% случаев против 100%). Следовательно, не только материнство, но и супружество, семья в целом, занимают меньшее место в системе их потребностей. Их устремления лежат вне семейного контекста. В то же время, женщины этой группы в качестве приоритетных называют мотив самореализации в деятельности и достижение поставленных целей (66,6% и 22,2% — соответственно). Избегание материнских обязанностей свидетельствует о том, что они не видят такой возможности в рамках ухода за ребенком. Материнство выступает скорее препятствием для их самореализации, поэтому и становится фрустрирующим фактором.

Результаты исследования позволяют нам сделать **вывод** о том, что избегание материнской роли, сопровождающееся негативным к ней отношением, происходит на фоне таких специфических особенностей мотивационной сферы матерей младенцев, как:

- оторванность мотива «достижения счастья ребенка» от мотива «близости с ребенком»;
- высокие, приближающиеся к вершинным, значения мотивов «самореализации в профессиональной деятельности».

Крайним вариантом избегания материнской роли является осознанный отказ от нее. Согласно последней мировой статистике, от 3 до 6% женщин сознательно отказываются от материнства. Говоря о сознательном отказе от материнства, имеют в виду здоровых замужних женщин. Данные Национального центра статистики здравоохранения США свидетельствуют, что доля американских женщин детородного возраста, которые определяют себя как «добровольно бездетных» (childfree), быстро растет: 2,4% — в 1982 году, 4,3 % — в 1990 году, 6,6 % — в 1995 году (Sociological Inquiry, 2005). По статистике федерального Института национальных исследований в ФРГ, 1/3 взрослого населения Германии остается бездетной, причем все больше молодых немцев не хотят иметь детей. Если в 1992 г. к их числу относились 10% женщин и 12% мужчин, то в 2005 г. — уже почти 15% и 26% — соответственно. Не обошло это явление и нашу страну. В 2004 г. в России заявило о себе виртуальное сообщество чайлдфри, объединившее в своих рядах почти 500 человек. Их возраст 20—35 лет, 80% имеют высшее образование, у 75% есть постоянный партнер и 50% живут с ним вместе; на четырех таких женщин приходится один ЧФ-мужчина [7].

С целью выявления условий возникновения указанного явления нами было осуществлено обследование группы женщин, заявляющих свою позицию как сознательно бездетных. В основу исследования легло **предположение** о том, что столь специфическое отношение к материнству может быть обусловлено переживанием собственного опыта взросления в родительской семье. Наличие травмирующих дет-

ских переживаний, как известно, играет большую роль в жизни взрослого человека.

На первом этапе исследования был проведен анализ свободных высказываний 65 женщин чайлдфри на форуме. Было предложено обосновать свое решение прожить жизнь без детей. 43 женщины из образованной выборки выразили согласие участвовать в развернутом психологическом обследовании. Возраст женщин в исследуемой выборке варьировал от 18 до 53 лет. При таком широком возрастном диапазоне возникла необходимость выделения двух возрастных групп (18—25, 25—53). 56% сознательно бездетных женщин — замужние, 32% имели постоянные отношения с партнером. 56% женщин имели высшее образование, 44% — среднее.

С помощью опросника, составленного на основе данных, полученных в ходе анализа свободных высказываний женщин, нам удалось определить частоту встречаемости причин, определяющих решение об отказе от материнства. Наибольший вклад в решение о сознательной бездетности внесло желание получать удовольствие от жизни, не испытывая необходимости жертвовать временем и свободой ради другого человека (эта причина указывается чаще всего). Нежелание попасть в зависимое положение усиливается представлением о необратимости перемен. Чуть менее распространенной, но все же достаточно весомой причиной оказались страх и отвращение к физическим условиям беременности, опыту родов и послеродовому периоду. В отношении частоты встречаемости указанных причин зафиксированы возрастные различия. В группе молодых женщин (18—25 лет) статистически значимо чаще (критерий U Манна—Уитни, $p = 0,049$) отказ от материнства обусловлен нежеланием утратить привлекательность, испортить фигуру. В группе взрослых женщин значимо чаще встречается восприятие мира как угрожающего благополучию ребенка, что позволяет им обосновать отказ заботой о нем (критерий U Манна—Уитни, $p = 0,065$).

Предполагаемая гипотеза о наличии страха повторения травмирующего детского опыта не нашла своего подтверждения. Вывод об отсутствии серьезных травмирующих переживаний детства был сделан в ходе анализа результатов проективной методики «Неоконченные предложения». В соответствии с целями исследования был составлен список предложений, касающихся различных векторов семейных отношений. В результате проведенного исследования было установлено, что на фоне высокой степени амбивалентности отношения к детям, в исследуемой выборке преобладает позитивное отношение, как к родителям, так и к опыту собственного детства. Мы практически не встретились с высказываниями, которые свидетельствовали бы о негативном, травмирующем переживании детства, связанного с фигурой отца или матери. В целом, можно сделать заключение о позитивном восприятии женщинами своего детства. Они хорошо чувствовали себя в родительской семье, были окружены заботой родителей, были

лишены травмирующих переживаний, которые могли бы спровоцировать нежелание повторять родительский опыт и дарить любовь своему ребенку.

Не найдя ответ о причинах отвергающего отношения к материнской роли в детских переживаниях женщин, мы обратились к анализу их ценностной сферы. Средством диагностики стал прием свободного ранжирования жизненных ценностей «Ценностный круг», где женщинам предлагалось разделить окружность на сектора в соответствии с имеющимися у них жизненными ценностями. Количество ценностей не задавалось; кроме того, женщина была свободна в определении значимости той или иной ценности. Величиной сектора она могла количественно выразить то, какое место занимает данная ценность в ее ценностной сфере. С помощью указанного приема были зафиксированы специфические особенности, отличающие исследуемую выборку. В первую очередь, необходимо отметить высокий уровень самооценки женщин. Значимость ценности «Я» оказалась одной из самых высоких (14% от общей доли жизненных ценностей), сравнимых лишь с ценностью партнера (22%) и работы (19%). Необходимо отметить, что выделение «Я» в отдельную жизненную ценность практически никогда не встречается среди матерей или женщин, планирующих появление детей в своей жизни.

Второй особенностью является то, что женщины чайлдфри обнаруживают высокую ценность близкого, эмоционального общения. Они высоко ценят общение с партнером, друзьями, собственными родителями и даже домашними питомцами. То, что общение с ребенком не входит в сферу их ценностей, может свидетельствовать об отвержении тех отношений, в которых они выступали бы не как потребитель эмоционального тепла и заботы, а как его источник. Вероятно, дарить любовь и эмоциональную поддержку эти женщины не готовы. Основной вклад в их эмоциональное благополучие вносит, с одной стороны, дружеское общение и общение с сексуаль-

ным партнером, с другой стороны — сфера развлечений, путешествий, образования в области личных увлечений. Эта сфера занимает совокупную долю в 17% от всех жизненных ценностей.

Анализируя причины отказа женщин от материнства можно, сделать **вывод** о том, что чайлдфри отличается *особая ценностная структура, в которой преобладает гедонистическая направленность*, что приводит к формированию негативного отношения к материнству, воспринимаемому в качестве угрозы собственному благополучию, эмоциональному комфорту.

Обобщая результаты двух исследований, можно сделать заключение о том, что принципиальный отказ, или желание свести к минимуму материнскую функцию связаны с низкой ее значимостью. Высокая самооценка, высокое значение ценностей самореализации в профессиональной деятельности и личностном общении, гедонистическая направленность составляют серьезную конкуренцию ценности материнства, которое ориентировано на обеспечение благополучия другого человека (ребенка), подтверждение ценности его интересов и потребностей.

Обсуждая полученные результаты, хочется обратить внимание на то, что столь неблагоприятная тенденция может возникать как результат общественных изменений. Опираясь на представление об экологических системах У. Бронфенбренера, можно предположить, что причины изменения отношения к материнству можно выделять на разных уровнях [5] (рис. 2).

На мезоуровне (уровень семейной системы) можно констатировать усиление гуманистической традиции в системе воспитания ребенка [4]. В заботе о ребенке семья стремится к все более полному удовлетворению его потребностей, что может приводить к формированию у него инфантилизма, к недостаточной его самостоятельности. Важным, на наш взгляд, является утверждение Д.Б. Винникота о необходимости оставлять место для собственной активности ребенка, т. е. быть «достаточно хорошей

Рис. 2. Характер социальных тенденций, создающих риски для становления позитивного отношении женщины к материнству

матерью» [1]. Ценностное отношение взрослого приводит к тому, что ребенок все более явно ощущает собственную самооценку. Если это позитивное явление не подкрепляется воспитанием ценностного отношения к другим людям, возникает высокая вероятность формирования эгоистической, индивидуалистической направленности личности. Как мы видели, женщины, отказывающиеся от материнства, росли в счастливой семейной обстановке, что не мешало им выстроить ценностные приоритеты в свою пользу, а не в пользу ребенка.

На уровне экосистемы происходит влияние социальной активности матери. Будучи включенной в профессиональную и общественную жизнь, она расширяет круг своих интересов, что создает вероятность возникновения ценностного конфликта.

И, наконец, на макроуровне на формирование отношения к материнству не может не сказаться возрастание требований к уровню жизни. Уходят времена, когда семья была готова довольствоваться малым. Для молодого поколения стесненные жилищные условия, ограничение возможности организации досуга, необходимость ведения домашнего хозяйства становятся факторами, сдерживающими их стремление к родительству.

Итак, рассматривая условия становления отношения женщин к материнству как сфере деятельности, в которой возможно удовлетворение ее стремления к самореализации, можно сказать, что мы имеем дело со сложным социальным явлением, при котором реабилитация ценности материнства требует комплексных мер.

Литература

1. Винникот Д.В. Маленькие дети и их матери / Пер. с англ. М.Н. Падалко. М.: Класс, 1998. 80 с.
2. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 39–40.
3. Захарова Е.И., Строгалова А.И. Особенности принятия родительской позиции // Психологическая диагностика. 2005. № 4. С. 58–70.
4. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2004. 320 с.

5. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
6. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. 2010. М.: Росстат, 2010. 813 с.
7. Русанова Н.Е. Новые тенденции рождаемости в России // Народонаселение. 2008. № 3. С. 152–161.
8. Engwall K. Childfreeness, parenthood and adulthood [Electronic resource] // Scandinavian Journal of Disability Research. 2013. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15017419.2013.781955> (date of access: 03.05.2013).
9. Salmela-Aro K. Personal goals and well-being during critical life transitions: The 4 Cs-channeling, choice, co-agency and compensation // Advances in Life Course Research. 2009. Vol. 14. P. 67–79.

Negative Attitude towards Motherhood in Modern Women: Settings and Conditions

E.I. Zakharova*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
E-I-Z@yandex.ru

The author addresses the issue of attitudes towards motherhood in modern women of reproductive age. The paper focuses on the phenomena that give evidence of unfavorable social tendencies referring to partial or complete withdrawal of women from fulfilling the social role of mother. A study that involved 40 mothers of infants enabled the author to outline significant differences in the subjects' performances of their roles as mothers. For instance, some of the women tended to minimize their participation in caring for the child. The analysis of the reasons for such behavior suggests that they are rooted not so much in the social conditions of the women's lives, but rather in the personalities of the latter. In accordance with the general idea of the research, the author proceeds with a group of childfree women who made a conscious decision not to have children. The study involved 43 women of reproductive age. This time the exploration of reasons behind such refusal revealed a specific value orientation of the respondents. The author concludes that the development of certain features of personality contributing to an individual's negative attitude towards motherhood may be determined by a number of characteristics typical of the modern sociocultural space.

Keywords: motherhood, attitude to motherhood, sphere of motivation and needs, value orientation.

References

1. Vinnikot D.V. Malen'kie deti i ikh materi [Young children and their mothers]. Padalko M.N. (ed.). Moscow: Klass, 1998. 80 p.
2. Zakharov S.V. Perspektivy rozhdaemosti v Rossii: vtoroi demograficheskii perekhod [Prospects for fertility in Russia: The second demographic transition]. *Otechestvennye zapiski* [Fatherland's notes], 2005, no. 3, pp. 39–40.
3. Zakharova E.I., Strogalina A.I. Osobennosti prinyatiya roditel'skoi pozitsii [Especially the adoption of the position of the parent]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2005, no.4, pp. 58–70.
4. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya [Family psychology and basics of family counseling]. Moscow: Gardariki, 2004. 320 p.
5. Kraig G., Bokum D. Psikhologiya razvitiya [Developmental Psychology] 9-izd, ed. St. Petersburg: Piter, 2005. 940 p.
6. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. Statisticheskii sbornik [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: Rostat, 2010. 813 p.
7. Rusanova N.E. Novye tendentsii rozhdaemosti v Rossii [New trends in fertility in Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 2008, no. 3, pp. 152–161.
8. Engwall K. Childfreeness, parenthood and adulthood [Electronic resource]. *Scandinavian Journal of Disability Research*, 2013. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15017419.2013.781955> (date of access: 03.05.2013).
9. Salmela-Aro K. Personal goals and well-being during critical life transitions: The 4 Cs-channeling, choice, co-agency and compensation. *Advances in Life Course Research*, 2009. Vol. 14, pp. 67–79.

For citation:

Zakharova E.I. Negative Attitude towards Motherhood in Modern Women: Settings and Conditions. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 44–49. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Zakharova Elena Igorevna, PhD in Psychology, associate professor at the Department of Developmental Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-I-Z@yandex.ru